

Problemy dalnego vostoka. 2013-2024

ISSN 0131--2812

URL - <http://pdv.jes.su>

All right reserved

Issue 6 Volume . 2023

Book Review: Jin Chongji. Survey of Chinese History in the Twentieth Century / tr. by T.B. Urzhumtseva, A.A. Kovaleva. Saint Petersburg: SPbSUE, 2023. 616 p.

Oleg Kocherov

Institute of Philosophy

12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russia

Abstract

Keywords list (en):

Date of publication: 27.12.2023

Citation link:

Kocherov O. Book Review: Jin Chongji. Survey of Chinese History in the Twentieth Century / tr. by T.B. Urzhumtseva, A.A. Kovaleva. Saint Petersburg: SPbSUE, 2023. 616 p. // Problemy dalnego vostoka. – 2023. – Issue 6 С. 190-195 .

URL: <https://pdv.jes.su/s013128120029384-3-1/>. DOI: 10.31857/S013128120029384-3

¹ История Китая в последние годы вызывает в России живой интерес среди как представителей академического сообщества, так и широких слоёв общественности. Этот интерес получил отражение во множестве публикаций, среди которых в первую очередь необходимо упомянуть монументальную серию «История Китая с древнейших времен до наших дней»¹.

² Особое место в этом массиве исследований занимает осмысление китайского исторического процесса китайскими исследователями. За последние пять лет на русском языке вышла четырехтомная серия «История китайской цивилизации»², а также десятитомная научно-популярная серия «Блестящие эпохи

в истории Китая». Тем не менее, за рамками обеих серий остается один из наиболее противоречивых и интересных периодов китайской истории — вторая половина XX в. В этой связи выход в свет русскоязычного перевода монографии китайского историка Цзинь Чунцзи «История Китая XX века»³ безусловно является весьма важным событием.

³ Цзинь Чунцзи (р. 1930) — один из наиболее авторитетных специалистов по Китаю XX в. С 1984 по 2004 гг. он работал заместителем директора Научно-исследовательского кабинета по изучению документов при ЦК КПК (в 2018 г. реорганизован в Институт по изучению партийной истории и литературы при ЦК КПК). Занимает должность профессора в Пекинском и Фуданьском университетах, Китайской академии общественных наук, а с 1994 г. является иностранным членом РАН.

⁴ Оригинальная версия рассматриваемой монографии, во многом представляющей собой кульминацию творческого пути Цзинь Чунцзи, вышла в 2009 г.⁴ В 2012 г. увидело свет сокращенное издание⁵, на основе которого (с купюрами) выполнены русский и английский⁶ переводы. Наконец, в 2021 г. было выпущено исправленное и дополненное издание⁷.

⁵ К сожалению, как в русскоязычный, так и в англоязычный вариант монографии не вошла последняя глава, в которой содержится довольно много интересных размышлений автора о сущности китайского исторического процесса в XX в., артикулированных во многом с помощью современного китайского категориального аппарата. В частности, отмечается, что основной мотив китайской истории XX в. — «великое возрождение» 伟大复兴, одна из важнейших идеологем современной китайской политики, возникшая уже у Сунь Ятсена. По мнению Цзинь Чунцзи, великое возрождение означает не только подъем Китая как могучей державы, заботящейся о благополучии своего народа, но и ответственность Китая перед всем миром. Под этим понимается неприятие Китаем силовой политики и великодержавных геополитических игр, его стремление к мирному сотрудничеству, внесению вклада в общечеловеческое развитие⁸. На основе такого понимания «великого возрождения» автор монографии и выстраивает повествование.

⁶

Внутриполитическая динамика

⁷ В целом в монографии дается довольно взвешенная оценка всем ключевым событиям первой половины XX в. Революция 1911 г. запустила процесс трансформации китайского государства и китайского мышления, но в силу отсутствия опыта революционного движения китайцы не сумели сразу же направить страну по верному курсу, что привело к длительному периоду политической дезинтеграции. Прогрессивные силы вынуждены были «нащупывать камни» в условиях тяжелейшей борьбы — сначала с монархическим проектом Юань Шикая в рамках второй революции (1912) и войны в защиту Республики (1915–1916), а затем с «наследниками» Юань Шикая в Бэйянской клике в рамках движения в защиту Конституции (1917–1922), Движения 4 мая (1919) и национальной революции 1925–1927 гг. В конце концов Мао Цзэдун

путем проб и ошибок сумел найти верную стратегию противостояния Гоминьдану и привести КПК к победе в 1949 г.

⁸ Цзинь Чунцзи в целом довольно позитивно оценивает такие политические процессы 1940х — 1950х гг., как яньаньскую «кампанию по исправлению стиля» (1942–1945) и кампанию по борьбе против «трех зол» и «пяти злоупотреблений» (1951–1952), в результате которых произошло серьезное оздоровление партии и общества. Проблемы с проведением кампаний довольно быстро разрешались, и хотя случались перегибы, Мао Цзэдун лично извинялся перед безвинно пострадавшими. Но при переходе к социалистическому строительству ошибки китайского руководства становятся всё более частыми и серьезными. Объясняется это прежде всего «головокружением от успехов» китайской правительства, преувеличением угрозы со стороны правых элементов (простительный промах для людей, значительную часть жизни проведших в вооруженной борьбе), ухудшением внешнеполитической обстановки, нехваткой экономических знаний у китайского руководства. Более фундаментальная причина упоминается автором в непереведенной главе исследования, где Цзинь Чунцзи отмечает, что одна из характеристик китайской истории XX в. — прогресс через непрерывный поиск (在不断探索中前进)⁹. У Китая не было готовых ответов на стоящие перед ним вопросы, ему только предстояло на практике познать объективные социально-политические и экономические законы, поэтому ошибки были неизбежны.

⁹ При описании причин «культурной революции» Цзинь Чунцзи выделяет четыре фактора: (1) старение Мао, который хотел успеть устранить основные преграды на пути КНР к социализму до прихода к власти нового поколения китайских лидеров; (2) преувеличение Мао угрозы ревизионизма и влияния негативных аспектов китайского экономического развития на общество; (3) неверный подход к разрешению существующих в обществе противоречий (классовая борьба, а не развитие производительных сил); (4) установление культа личности Мао и деградация демократического централизма¹⁰. При этом автор монографии критикует тезис о том, что «культурная революция» была инициирована Мао для борьбы за власть, поскольку, во-первых, в то время никто не обладал властью и авторитетом, достаточными для того, чтобы представлять Мао угрозу; во-вторых, если бы Мао видел в ком-то угрозу, он мог прибегнуть к гораздо менее масштабным методам разрешения потенциального конфликта¹¹. Но фундаментальная проблема с аргументом Цзинь Чунцзи заключается в том, что, даже если реальных конкурентов у Мао не было, сам он вполне мог считать иначе — тем более, что сам автор неоднократно акцентирует внимание на страхе Мао перед ревизионизмом. В то же время нельзя не согласиться с тем, что «культурная революция» не сводилась к борьбе за власть.

¹⁰ Причины других кризисов, с которыми сталкивалась КПК, Цзинь Чунцзи видит уже не в ошибках китайского руководства, а в деятельности деструктивных сил как вовне, так и внутри страны. Так концептуализируются и события на площади Тяньаньмэнь (1989 г.), и тибетское восстание 1959 г., и неудачи на треке возвращения Тайваня.

¹¹ В целом, однако, политические вопросы во второй половине монографии (период после основания КНР) отходят на второй план, а акцент делается на

социально-экономическом развитии Китая. Это объясняется историко-философской оптикой автора, который описывает вторую половину XX в. как второй этап в великом возрождении китайской нации, на котором китайский народ должен был построить процветающую экономику.

12

Российско-китайские отношения

13 В работе представлен довольно традиционный для китайской историографии взгляд на китайско-российские отношения.

14 Крайне негативно характеризуется политика России в отношении Китая на рубеже XIX-XX вв. В вину Российской Империи вменяется ее участие в геополитических играх с Японией и Великобританией за сферы влияния в Северо-Восточном Китае и Тибете, а также посягательство на китайский суверенитет в ходе Интервенции восьми держав. При этом, однако, стоило бы отметить и положительные моменты — сдерживание Российской Империей японской агрессии в Китае и Корее, финансовую и военную помощь Китаю, о чем автор не упоминает.

15 Первая половина XX в. концептуализируется как противоречивый период в истории китайско-советских отношений. С одной стороны, автор монографии выделяет безусловно положительные моменты: влияние Октябрьской революции на идеологическую обстановку в Китайской республике, помощь СССР двум китайским Единим фронтам, а также поддержка СССР КПК в противостоянии с Гоминьданом. С другой стороны, Цзинь Чунцзи отмечает ряд негативных аспектов в советско-китайских отношениях этого периода. Во-первых, СССР проводил курс на усмирение Чан Кайши, что лишь наоборот распалило его аппетит и во многом способствовало эскалации конфликта между Гоминьданом и КПК. Во-вторых, автор критикует великие державы за закулисную дипломатию и отказ приглашать Китай на Ялтинскую конференцию несмотря на то, что многие обсуждаемые на ней вопросы напрямую касались территориальной целостности Китая и затрагивали его внутренние дела. При этом в монографии не освещается участие Китая в других конференциях этого периода (Московская конференция 1943 г., конференция в Думбартон-Оксе 1944 г.), на которых Пекин был привлечен к созданию новой глобальной архитектуры безопасности.

16 При описании отношений между СССР и КНР неоднократно подчеркивается важность для Нового Китая советской экономической и технологической помощи и дипломатического признания. В то же время довольно однобоко освещен советско-китайский раскол. Главными причинами стремительного ухудшения отношений между Москвой и Пекином Цзинь Чунцзи считает «идеологические разногласия» и советский «великодержавный шовинизм»¹².

17 В самой монографии не дается пояснения, о каких именно идеологических противоречиях идет речь, но в повествовании неоднократно всплывает мотив поиска Китаем своего собственного социалистического пути с учетом исторических и социально-политических обстоятельств, отказа от слепого

копирования советской экономической модели. Особое внимание уделено различиям в осмыслении Москвой и Пекином наследия Сталина: критика Хрущевым Сталина на XX съезде КПСС, обнажившая проблемы советской системы, противопоставляется взвешенной оценке китайского руководства в формате «70% заслуг, 30% ошибок». В монографии не освещаются иные идеологические противоречия между Москвой и Пекином. В частности, автор не уделяет внимания различию в советском и китайском подходах к международным отношениям в постсталинскую эпоху, столкновению хрущевского нарратива о мирном сосуществовании двух систем и маоистской риторики о неотвратимости мировой революционной войны и возможности применения в ней ядерного оружия.

¹⁸ В качестве примеров «великодержавного шовинизма» советского руководства (под которым в монографии в целом понимается стремление Хрущева консолидировать социалистический лагерь и обеспечить безусловную лояльность китайской компартии), его посягательств на китайский суверенитет автор приводит предложение СССР о создании совместной группировки военно-морского флота в 1958 г., попытки давления на КНР через выход из соглашения о новых технологиях в области национальной обороны, отказ СССР от помощи Китаю в создании ядерного оружия, отзыв советских специалистов из Китая, публичную критику линии КПК и попытки настроить против китайского руководства компартии других стран социалистического лагеря¹³. При этом ничего не говорится про действия Пекина, которые вызывали у Москвы серьезные опасения (прежде всего из-за воинственной риторики Мао) и также способствовали ухудшению отношений между сторонами. В частности, советское руководство было крайне недовольно тем, что КНР инициировала Второй кризис в Тайваньском проливе в 1958 г., поскольку это стало серьезным препятствием на пути к политике мирного сосуществования.

¹⁹ Отмечается, что, несмотря на все эти факторы, Китай предпринимал множество усилий для нормализации китайско-советских отношений, хоть эти попытки и не увенчались успехом. В то же время ничего не говорится об аналогичных действиях советской стороны. В конце параграфа про раскол советско-китайских отношений на с. 426 приводится лишь высказывание Дэн Сяопина, в котором отмечается, что «обе стороны тогда говорили много бессодержательных слов... С позиций сегодняшнего дня мы не считаем, что все сказанное тогда было абсолютно правильным»¹⁴. При этом Цзинь Чунцзи не указывает, какие заявления и действия китайской стороны в контексте советско-китайского раскола следует считать ошибочными. Из-за такой подачи материала вина за охлаждение отношений целиком возлагается на Москву.

²⁰ Дальнейшая история китайско-советских отношений в монографии освещена поверхностно и фрагментарно. В небольшом абзаце, посвященном конфликту на острове Даманском, дается традиционное для китайской историографии описание причин этого столкновения: конфликт инициировали советские пограничники, вторгшиеся на китайскую территорию. Практически не освещены вопросы нормализации советско-китайских отношений в 1980е и 1990е гг. Вкратце упоминается лишь визит М.Горбачева в Пекин и Совместное китайско-советское коммюнике 1989 г. Не уделяется внимания дальнейшему развитию

нормативной базы двусторонних отношений (в том числе Советско-китайскому договору о границе 1991 г., который во многом разрешил одну из наиболее важных проблем в отношениях Москвы и Пекина).

²¹ В начале главы 24 в рамках одного из последних упоминаний о советском (российском) измерении в китайской политике делается полемичное заявление: распад СССР во многом породил в международных отношениях тенденцию к становлению многополярности и в то же время создал благоприятные условия для дальнейшего развития китайской экономики. Во-первых, известно, что многие представители китайского руководства, к 1991 все еще не отошедшие от тяньаньмэньского шока, выступали за торможение экономической реформы, и распад СССР был довольно серьезным аргументом в пользу их позиции. Во-вторых, довольно быстро Китай осознал: распад СССР во многом развязал США руки, что едва ли способствовало становлению многополярности. В этом контексте логичнее было бы обратиться к нормативной базе российско-китайских отношений, в которой зафиксировано сближение сторон по различным вопросам международной повестки (например, к Совместной декларации о многополярном мире 1997 г.).

²² Несмотря на все упомянутые выше полемические моменты и недостатки, работа Цзинь Чунцзи безусловно представляет собой солидное фундированное историческое исследование, которое дает представление об общих взглядах современного Китая на свою недавнюю историю.

²³

Проблемы русскоязычного издания

²⁴ Нельзя не отметить некоторые недостатки русскоязычного издания, которые во многом снижают его ценность. Основная проблема заключается в том, что в переводе ярко выражена тенденция к буквализму, из-за чего язык становится гораздо менее живым и выразительным, часто встречаются нарушения норм сочетаемости и т.д.

²⁵ Крайне проблематичным при таком подходе становится перевод игры слов или культурных отсылок. Наиболее яркий пример — следующее описание Дэн Сяопина: «Чтобы искоренить “страх репрессий” у некоторых кадровых работников, он ставил себя в пример, говоря: “Я — уйгурская девушка, у меня много косичек, хватай их все”. “Надо слово “смелость” ставить впереди всех слов”»¹⁵. Из такого перевода русскоязычному читателю едва ли станет понятно, почему эти слова должны были избавить членов КПК от страха. В худшем случае читатель может и подумать, что у Дэн Сяопина были сомнения относительно его гендерной и этнической принадлежности. К сожалению, при дословном переводе была утеряна оригинальная игра слов, построенная на полисемии: 辫子 может означать как «косичку», так и «слабое место, ошибку». Дэн Сяопин призывает кадровых работников не бояться совершать ошибки, ведь без них никакой прогресс невозможен: у самого Дэна промахов столько, сколько у уйгурской девушки косичек, но он все же не боится экспериментировать в социально-экономической сфере, поскольку желает родине лишь блага. Таким образом, переводчикам нужно было либо дать развернутый комментарий к своему

дословному переводу, либо выбрать другое переводческое решение (в английском переводе, например, дан описательный перевод, хоть и несколько искажающий смысл).

26 В другом эпизоде описывается последний конфликт между Дэн Сяопином и Мао Цзэдуном. Первый должен недвусмысленно обозначить свое отношение к «культурной революции», но он тактично отказывается, говоря: «Я — человек цветущего персика (имеется в виду, что он был репрессирован на шесть лет, и покинул движение), и я не понимаю»¹⁶. Читатель, не знакомый с «Записками о персиковом источнике» (произведение китайского поэта Тао Юаньмина 陶渊明, 365–427 гг.), едва ли поймет, с чего вдруг Дэн Сяопин говорит о персиках, и почему Цзинь Чунцзи связывает это с периодом его опалы. Более того, читатель не узнает ни о месте этой работы в китайском политико-философском ландшафте, ни о традиции китайской непрямой критики руководства, ни об интеллектуальных корнях Дэн Сяопина.

27 В некоторых случаях при переводе не только теряется игра слов и культурные отсылки, но даже искажается оригинал. Так, эволюция взглядов Мао на «левацкий уклон» в начале 1970х гг. описывается следующим образом: «Мао Цзэдун раньше много раз выступал против ультралевых идей... Но он их рассматривал только как препятствие для “Великой культурной революции”. Чжоу Эньлай был должен в процессе работы по “упорядочению стиля” сконцентрироваться на критике ультралевых, что заставило Мао Цзэдуна опасаться, не приведет ли это к фундаментальному отрицанию “культурной революции”. В середине декабря 1972 года он вызвал Чжоу Эньлая на разговор: “Крайне левых ведь немного?” “Линь Бяо крайне левый? Или крайне правый? Ревизионизм, раскол, интриги, предательство партии, предательство Родины”. Таким образом, в ходе кампании за “упорядочение стиля работы” критика крайне левой идеологии не прекращалась... Мао Цзэдун... не был готов скорректировать или исправлять ведущую идеологию “Великой культурной революции”»¹⁷.

28 Читателю, вероятно, будет сложно уследить за логикой этого отрывка. Мао изначально критически настроен к «левому уклону», но постепенно начинает опасаться, что критика Чжоу Эньлаем ультралевых приведет и к критике «культурной революции». Он вызывает Чжоу на разговор, в ходе которого делает несколько загадочных комментариев о «левизне» и Линь Бяо, смысл которых Чжоу Эньлай, по всей видимости, не улавливает, поскольку продолжает критиковать левую идеологию в рамках кампании по упорядочению стиля. Из последней фразы вообще можно сделать вывод о том, что критика левого уклона была ведущей идеологией «культурной революции».

29 Если заглянуть в оригинал, то картина уже будет несколько другой. Цитата Мао выглядит следующим образом: «极左思潮少批一点吧。林彪是极左？是极右。修正主义，分裂，阴谋诡计，叛党叛国». Таким образом, Мао призывает соратников меньше критиковать ультралевых и заявляет, что Линь Бяо на самом деле ультраправый, что он повинен в ревизионизме и иных грехах. Далее говорится о том, что из-за такой позиции Мао критика левого уклона «不能不中断», «не могла не прекратиться».

³⁰ Переводческие ошибки приводят к искажению фактов и в ряде других мест. Так, на с. 494 Хуа Гофэн, идеологический оппонент Дэн Сяопина, превращается в критика «культурной революции», а на с. 538 один из авторов китайской экономической реформы Чжао Цзыян внезапно заявляет о проведении нового «большого скачка»: «социалистическое общество Китая находится на начальном этапе, и мы должны исходить из этого реального факта, перескакивая через этот этап». А из переводческого комментария на с. 41 читатель узнает, что три конфуцианских устоя означают «относись к отцу как к сыну, к королю как к министру, а к мужу как к жене».

³¹ Подобных ошибок в переводе очень много, из-за чего у читателя, не имеющего возможности ознакомиться с оригиналом, может либо сложиться неверное представление о китайской истории, либо зародиться сомнение в компетентности Цзинь Чунци.

³² Встречаются неверная транскрипция китайских имен (пальма первенства здесь традиционно принадлежит смешению «н» и «нь») и ошибки при их склонении. Кроме того, переводчики не всегда верно расшифровывают приведенные в оригинале имена. Так, на с. 31 говорится о некоем учителе Сунь Ятсена «Кандэ Ли», под чьим именем «скрывается» Джеймс Кэнтли. Возникают проблемы и с корректным употреблением японских имен: например, на с. 109 говорится о «министре Кидзюру», хотя «Кидзюру» (корректная транскрипция — Кидзюро) не фамилия, а имя.

³³ Наконец, встречаются разные варианты перевода одного и того же термина (что, вероятно, объясняется тем, что у монографии два переводчика). Так, на с. 426 говорится о «четырёх чистках», а на с. 441 — о «движении “Сыцин”», которое здесь же переводят как «движение за 4 чистоты».

³⁴ Важное преимущество русскоязычной версии по сравнению с английским переводом — наличие комментариев. В то же время их потенциал реализован далеко не полностью. Часто встречаются комментарии, объясняющие то явление, которое уже ранее описывалось в тексте самой монографии. При этом некоторые реалии остаются необъясненными. Наконец, сноски с комментариями соседствуют в тексте со сносками, в которых приводятся выходные данные цитируемых автором монографии китайских работ. Так ли нужны последние в русскоязычном издании? Если оставлять их, то не лучше ли было вынести их в конец монографии, чтобы они не сливались с комментариями?

Remarks:

1. История Китая с древнейших времён до начала XXI века. В 10 томах /гл. ред. *С.Л. Тихвинский*. М.: Наука, 2013–2017.

2. История китайской цивилизации. В 4 томах /под ред. *Юань Синьпэя, Янь Вэньмина, Чжан Чуаньси, Лоу Юйле*. М.: Шанс, 2020.

3. *Цзинь Чунци*. История Китая XX века /пер. с кит. *Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А.* СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. 616 с.

4. 金冲及. 二十世纪中国史纲 (*Цзинь Чунци*. Очерки история Китая XX века). 北京: 社会科学文献出版社, 2009 年.

5. 金冲及. 二十世纪中国史纲：简本 (*Цзинь Чунцзи*. Очерки история Китая XX века: сокращённое издание). 北京: 社会科学文献出版社, 2012 年.
 6. *Jin Chongji*. Survey of Chinese History in the Twentieth Century. Singapore: Palgrave Macmillan, 2023.
 7. 金冲及. 二十世纪中国史纲：增订版 (*Цзинь Чунцзи*. Очерки история Китая XX века: исправленное и дополненное издание). 北京: 生活·读书·新知三联书店, 2021 年.
 8. 金冲及. 二十世纪中国史纲 (*Цзинь Чунцзи*. Очерки история Китая XX века). 北京: 社会科学文献出版社, 2009 年. 第1356–1357页.
 9. 金冲及. 二十世纪中国史纲 (*Цзинь Чунцзи*. Очерки история Китая XX века). 北京: 社会科学文献出版社, 2009 年. 第1361页.
 10. *Цзинь Чунцзи*. История Китая XX века /пер. с кит. *Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А.* СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 441–443.
 11. *Цзинь Чунцзи*. История Китая XX века /пер. с кит. *Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А.* СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 442.
 12. *Цзинь Чунцзи*. История Китая XX века /пер. с кит. *Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А.* СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 409.
 13. *Цзинь Чунцзи*. История Китая XX века /пер. с кит. *Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А.* СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 409–410.
 14. *Цзинь Чунцзи*. История Китая XX века /пер. с кит. *Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А.* СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 426.
 15. *Цзинь Чунцзи*. История Китая XX века /пер. с кит. *Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А.* СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 481.
 16. *Цзинь Чунцзи*. История Китая XX века /пер. с кит. *Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А.* СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 486.
 17. *Цзинь Чунцзи*. История Китая XX века /пер. с кит. *Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А.* СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 471.
-

Рецензия на монографию: Цзинь Чунцзи. История Китая XX века / пер. с кит. Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. 616 с.

Кочеров Олег Сергеевич

Институт философии РАН

109240, Москва, Гончарная ул., 12 стр. 1

Аннотация

Ключевые слова:

Дата публикации: 27.12.2023

Ссылка для цитирования:

Кочеров О. С. Рецензия на монографию: Цзинь Чунцзи. История Китая XX века / пер. с кит. Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. 616 с. // Проблемы Дальнего Востока. – 2023. – Выпуск №6 С. 190-195 .

URL: <https://pdv.jes.su/s013128120029384-3-1/>. DOI: 10.31857/S013128120029384-3